

СОЦИОЛОГИЯ ВОСТОКА

DOI: 10.31857/S086919080002875-9

МИГРАНТЫ ИЗ СУБСАХАРСКОЙ АФРИКИ В МОСКВЕ:
СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

© 2018

Д. М. БОНДАРЕНКО

Институт Африки РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2020-3553>; dbondar@hotmail.com

Резюме: Изменения, происшедшие в стране после распада СССР, привели к существенному изменению социального состава и соответственно жизненных стратегий проживающих в ней африканцев в целом и в частности в ее столице Москве. В данной статье подчеркиваются различия между двумя социальными группами африканских мигрантов в сегодняшней Москве, обозначенными как «благополучные» и «выживающие». Почти все «благополучные» мигранты – это люди, приехавшие из стран Африки учиться в еще советских университетах. «Выживающие» московские африканцы – это преимущественно экономические мигранты и политические беженцы, чей приезд стал возможен только в постсоветский период. Как правило, члены этих социальных групп используют две принципиально разные жизненные стратегии, для того чтобы влиться в российское общество. «Благополучные» африканцы стремятся к максимальной включенности в доминирующую социокультурную среду. «Выживающие» кооперируются в основном друг с другом. Таким образом, в то время как представители первой социальной группы желают и могут глубоко интегрироваться в российское общество, представители второй вынуждены ограничиваться минимально необходимой адаптацией к жизни в Москве.

Ключевые слова: африканские мигранты, Москва, сообщество, диаспора, социальные различия, жизненные стратегии, социокультурная интеграция, социокультурная адаптация

Для цитирования: Бондаренко Д.М. Мигранты из Субсахарской Африки в Москве: социальные различия и жизненные стратегии. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 162–171. DOI: 10.31857/S086919080002875-9

MIGRANTS FROM SUB-SAHARAN AFRICA IN MOSCOW:
SOCIAL DISTINCTIONS AND LIFE STRATEGIES

© 2018

Dmitri M. BONDARENKO

Institute for African Studies, Moscow, Russia;
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2020-3553>; dbondar@hotmail.com

Abstract: The changes since the breakup of the USSR had a significant impact on the social composition of African migrants in Moscow, as well as on their life strategies. In this article, we distinguish between two social groups of African migrants: “affluent” and “surviving”. Almost all affluent migrants are those who once came to study at Soviet universities. They have been living in Russia for at least twenty years, obtained Russian citizenship (mainly through marriage), speak Russian fluently, are very familiar with the Russian lifestyle, enjoy support from Russian family members and are respected in their home countries; they have native Russians as close friends, are happy to see their children being well integrated into Moscow city life, and are always welcome in their motherlands’ embassies in Moscow. The surviving Africans are mainly re-

cent economic migrants and refugees, whose arrival became possible only in the post-Soviet era. For most of them, matters are complicated: they face the fact that their educational background and Russian language skills are considered insufficient, they have a poor knowledge of Russian lifestyle, and they also suffer from differences in climate; few, if any, have Russian friends, and their financial means are very limited, with little hope for any kind of support by the home country's official representatives. The Africans from the two social groups usually use radically different life strategies to embroider themselves into the fabric of Russian society: while the affluent opt for maximum inclusion into the mainstream socio-cultural milieu, the survivors rely on cooperation amongst each other. While one group seeks integration into Russian society, the other limits itself to mere adaptation to life in Moscow.

Keywords: African migrants, Moscow, community, diaspora, social distinctions, life strategies, socio-cultural integration, socio-cultural adaptation.

For citation: Bondarenko D.N. Migrants from Sub-Saharan Africa in Moscow: social distinctions and life strategies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6. Pp. 162–171. DOI: 10.31857/S086919080002875-9

ВВЕДЕНИЕ: КРАТКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

При описании и анализе африканских общин вне Африки основное внимание, как правило, уделяется их неоднородности с точки зрения многообразия этнического происхождения, стран исхода и религиозной принадлежности образующих их людей. В то же время социальные различия между ними имеют не меньшее значение для функционирования таких сообществ. Об этом наглядно свидетельствуют материалы, собранные нами совместно с коллегами и учениками среди проживающих в Москве африканцев в 2007–2016 гг. методами интервью, анкетирования и наблюдения в ходе общения с более чем 150 уроженцами 19 государств Африки¹. Причем особенности сегодняшнего социального состава московских африканцев напрямую связаны с существенными различиями между позднесоветским и постсоветскими обществом и государством. Также следует отметить, что, несмотря на малочисленность, присутствие африканцев в пестром этнокультурном ландшафте российской столицы становится все более заметным, и это придает особую актуальность нашему исследованию.

МИГРАНТЫ ИЗ АФРИКИ: ГРУППОВОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Вплоть до конца существования Советского Союза почти все проживавшие в стране африканцы являлись студентами, т. е. непостоянными резидентами. Они были распределены достаточно равномерно по многочисленным образовательным учреждениям практически по всему СССР. Непосредственно накануне распада Советского Союза, в 1990 г., в почти 700 вузах 120 городов страны обучалось более 180 000 иностранных студентов и аспирантов, 24% которых, т. е. около 43 000 человек, составляли африканцы [UNESCO, 1990, р. 3.301–3.403; Голубев и др., 1994, с. 90; Шереги и др., 2002, с. 9–28].

Однако после распада СССР в 1991 г. ситуация существенно изменилась. Ныне подавляющее большинство проживающих в России африканцев сконцентрировано в нескольких крупных городах, прежде всего в Москве. Количество студентов из Африки стало гораздо меньшим вследствие сокращения по сравнению с советскими временами государственных квот на бесплатное обучение для иностранных граждан (пусть они и

¹ Автор благодарен участвовавшим в исследовании сотрудникам и аспирантам Института Африки РАН, студентам и магистрантам Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета Д.А. Брилеву, Е.А. Гоогуевой, Е.Б. Деминцевой, Д.А. Зеленовой, С.Н. Серову, В.В. Усачевой, Е.В. Шахбазян, А.М. Шульпиной.

увеличились в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми) и введением платы за обучение, которая слишком высока для многих потенциальных студентов. На основании бесед с мигрантами, представителями российских государственных органов, призванных заниматься проблемой миграции, и активистами правозащитных организаций можно предположить, что сегодня в России проживает примерно 40 000 мигрантов из стран Африки южнее Сахары, из них в столице – около четверти от этого числа. И лишь немногим более 1000 из этих 10 000 человек – студенты.

Появление в России большинства проживающих в ней ныне африканцев обусловлено тем, что падение «железного занавеса» и распад СССР сделали более легкой задачу получения российской визы. Это привело к притоку в страну мигрантов иного, нежели студенты, рода. В наши дни среди проживающих в Москве африканцев нетрудно встретить беженцев из стран, в недавнем прошлом или по сей день охваченных кровопролитными конфликтами, – ДРК, Кот-д'Ивуара, Сомали... Однако большинство составляют экономические мигранты со всего Африканского континента. Этим категориям мигрантов очень трудно получить постоянный вид на жительство или гражданство.

Многие африканцы испытывают сложности, стремясь приспособиться к жизни в Москве. Для огромной части африканцев, прибывающих в Москву в наши дни, ситуация осложняется их невысоким образовательным уровнем, плохим знанием русского языка и местного образа жизни, отсутствием друзей среди россиян, чрезвычайно ограниченными финансовыми возможностями и слабой надеждой на помощь с родины или со стороны ее официальных представителей в России [Бондаренко и др., 2009]. В то же время сегодня Москва предоставляет мигрантам множество низкооплачиваемых видов работы. Например, африканцев часто можно увидеть раздающими рекламные листовки и журналы у станций метро, расклеивающими объявления на автобусных остановках и стенах домов. Как правило, эту работу выполняют россияне из финансово малообеспеченных социальных групп, в основном пенсионеры и студенты, и африканцы, как кажется, стали единственной группой мигрантов, прочно утвердившейся в этой сфере деятельности. Также африканцы есть среди рабочих на стройках, уборщиков офисов и улиц и т.п. После приезда в Москву большинству экономических мигрантов удается повысить свой уровень жизни по сравнению с тем, который у них был на родине, однако не настолько, чтобы иметь возможность посылать деньги родным, что считается среди африканцев абсолютно необходимым. В этом заключается одна из причин того, что многие из них мечтают переехать в Западную Европу, Северную Америку или Австралию. Один из наших респондентов, камерунец, давно проживающий в Москве, сказал об этом так: «Около 90 процентов [африканских мигрантов в России] – этого сорта: те, кто приезжает сюда, а затем ищет способ уехать дальше». Некоторые африканцы говорили нам, что надеются рано или поздно вернуться на родину. Разумеется, далеко не все мигранты имеют официальные разрешения на проживание и работу в России. Тем не менее некоторые признаются, что мысли об отъезде на Запад или возвращении домой – не более чем психологический трюк, с помощью которого они пытаются справиться с трудностями, испытываемыми в России.

Положение студентов не столь тяжело, поскольку они всегда имеют вид на жительство, обеспечены общежитием, учат русский язык с преподавателями в течение первого года пребывания в России и могут рассчитывать на помощь посольств своих государств. Однако адаптация к жизни в Москве африканских студентов также не протекает гладко [Жерлицына, 2009; Boltovskaja, 2014, p. 113–132]. Многие из них также вынуждены искать работу; обычно в тех же секторах, что и прочие африканцы. Именно на примере студентов можно увидеть, что ныне уроженцам Африки сложнее приспособиться к жизни в Москве и в стране в целом, чем это было в советские годы. Тогда власти были заинтересованы в идеологической и политической индоктринации иностранных студентов и потому предпринимали меры для их социальной акклиматизации [Катсакиорис, 2009; Мазов, 2009; Kret, 2013]. Меры по облегче-

нию адаптации учащихся из-за рубежа к жизни в Советском Союзе были продуманы на государственном уровне при участии ученых, в частности психологов, и осуществлялись в вузах специальными отделами по работе с иностранными студентами. Советские студенты, отчасти подталкиваемые руководством вузов, а отчасти из желания использовать редкую возможность общения с иностранцами, как правило, относились к африканцам, в которых видели жертв империализма и борцов за светлое будущее, с искренним интересом и симпатией, охотно включая их в свои дружеские компании. Сегодня иностранные студенты чаще всего сталкиваются с весьма формальным отношением к себе администраций вузов, более не находящихся под столь строгим контролем государства, не предпринимается специальных мер по их социализации, а на кампусах российские и африканские студенты образуют разные, практически не соприкасающиеся друг с другом сообщества [Gdaniec, 2009; Грибанова, Жерлицына, 2012; Boltovskaja, 2014, p. 122–130].

Однако было бы неверно представлять всех мигрантов из Африки как пассивных жертв тяжелых обстоятельств, сопутствующих их жизни в России. Существует также их меньший, но отчетливо выделяющийся сегмент, который образуют люди совершенно иного рода, с абсолютно иначе сложившимися судьбами. В то время как экономические мигранты и беженцы могут быть названы «выживающими» мигрантами, этих людей можно назвать «благополучными» российскими африканцами. Это люди, нашедшие путь к социальному признанию и успеху в столичном мегаполисе, сумевшие добиться достойного, иногда даже престижного места в обществе. Почти все они выпускники советских или российских университетов, живущие в России уже более двадцати-двадцати пяти лет, получившие (в основном через брак) российское гражданство, свободно говорящие по-русски, очень хорошо знающие российский образ жизни, имеющие поддержку от русских членов своих семей и друзей, радующиеся включенности своих детей в московскую городскую жизнь и при этом пользующиеся уважением в родных странах, всегда являющиеся желанными гостями в их посольствах в Москве. Эти люди не имеют никакого желания покинуть Россию навсегда. Они журналисты, преподаватели вузов, переводчики и т. д. Среди них много экономистов, менеджеров, некоторые – предприниматели с высоким и даже очень высоким уровнем доходов. Это люди, сумевшие благодаря уму и характеру использовать возможности, открывшиеся в бурные 1990-е гг. для тех, кто был готов рисковать и не бояться трудностей [Bondarenko et al., 2014].

И в 2000-е гг. немало образованных африканцев смогли найти себя в российской столице. Так, некоторые африканцы, приехавшие в Россию на учебу в постсоветские годы, пошли в российский шоу-бизнес, став музыкантами, певцами, танцорами, диджеями и видеями. Тем не менее нынешним мигрантам приходится сталкиваться с большими трудностями при поиске достойной социальной ниши, например, при открытии собственного бизнеса, нежели их предшественникам, приехавшим в конце советской эпохи и имевшим возможность извлечь пользу из экономической и политической либерализации второй половины 1980–1990-х гг.

Итак, с начала 1990-х гг. социальный состав африканцев в России существенно изменился, став более неоднородным. Одновременно их численность растет, и африканцы перестали быть едва заметным меньшинством в крупных российских городах. Крупнейшим центром притяжения для них является столица страны – Москва.

МОСКОВСКИЕ АФРИКАНЦЫ: ФОРМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

Характерно, что попытки объединить мигрантов предпринимаются не наиболее нуждающимися в помощи, а, наоборот, самыми благополучными московскими африканцами. В частности, многие из них участвуют в деятельности созданной и официально зарегистри-

стрированной в 2007 г. Федерации мигрантов России. Ее члены, в том числе африканцы, концентрируются на социальных проектах, тщательно избегая вовлечения в политическую деятельность, поскольку опасаются, что это может помешать им в выполнении главной задачи – обеспечении своего весьма достойного социального статуса. Эти люди сознательно связали свои жизни с Россией и предпочитают укреплять положение в российском обществе, устанавливая отношения с социально равными себе новыми согражданами независимо от их происхождения, но прежде всего – с коренными россиянами, а не с выходцами из своих родных стран с низким социальным статусом.

Стремление максимально интегрироваться в российское общество, в его социально благополучные слои проявляется и в создании некоторыми уроженцами Африки организаций, призванных способствовать установлению деловых и межличностных связей между коренными россиянами и российскими африканцами. Не все подобные проекты оказываются долговечными, но характерна сама стоящая за ними идея. Одной из наиболее успешных организаций такого рода стал созданный в 2012 г. выпускником РУДН бенинцем С.Ф. Одунлами «Дом Африки». Как декларируется на его сайте, ««Дом Африки» – это неправительственная организация, созданная для развития и укрепления дружеских, партнерских отношений между народами России и стран Африки. Поддерживаем сотрудничество и участвуем в развитии двусторонних отношений России с африканскими странами как на государственном, так и на частном уровне. Некоммерческое партнерство по развитию культурно-образовательных, деловых и общественных связей «Дом Африки» было создано... с целью содействия процессу интеграции России в африканское экономическое и социальное пространство посредством создания стабильных партнерских отношений на уровне гражданского общества» [<http://african-house.com/ru/ob-organizatsii>; 21.08.2018]. В основе деятельности «Дома Африки» – активное взаимодействие как с российскими бизнес-структурами (а также государственными органами, научными и образовательными учреждениями), так и с посольствами африканских государств в Москве. Такая разносторонняя поддержка позволяет «Дому Африки» периодически проводить мероприятия, призванные знакомить россиян с культурой народов континента, например, фестиваль «Афрофест» или выставки картин африканских художников.

Мигранты из нескольких стран планируют официально зарегистрировать свои ассоциации. Руандийская диаспора в Российской Федерации (*Rwanda Diaspora to the Russian Federation*) была основана по инициативе посольства этой страны в 2015 г. Однако до того, как в декабре 2016 г. свою ассоциацию зарегистрировали гвинейцы, Нигерийская община в России (*Nigerian Community Russia*), созданная в начале 2000-х гг., и Российская организация нигерийцев в диаспоре (*Nigerians in Diaspora Organisation – N.I.D.O.-Russia*), появившаяся в 2007 г., оставались единственными официально зарегистрированными самоорганизующимися и самоуправляющимися ассоциациями африканских мигрантов в Москве. Эти организации имеют выборные руководящие органы, официальные сайты и страницы на *Facebook*, крепкие связи с посольством Нигерии в Москве и с нигерийцами в других городах России, на родине и по всему миру. Российская организация нигерийцев в диаспоре является подразделением Европейской организации нигерийцев в диаспоре (*Nigerians in Diaspora Organisation Europe – N.I.D.O.E.*). В Нигерийской общине в России состоит около двухсот человек, а в Российской организации нигерийцев в диаспоре – более ста. Помимо этого к обеим организациям примыкают нигерийцы, формально в них не вступившие по тем или иным соображениям, в частности, как сказал один из наших собеседников, «это связано с этнорелигиозной и социально-политической ситуацией в Нигерии. Даже за рубежом нам трудно осознавать себя единой нацией из одной страны с общей целью». Характерно для подобных организаций африканских мигрантов, как зарегистрированных, так и действующих неофициально, что члены Российской организации нигерийцев в диаспоре, по словам ее бывшего пред-

седателя Б. Обасеколы, – «в основном состоявшие профессионалы, работающие или занимающиеся предпринимательством в России. Цель организации – объединить нигерийских профессионалов и предпринимателей, живущих в России. Многие члены Российской организации нигерийцев в диаспоре также являются активистами Нигерийской общины в России».

Как правило, объединения африканских мигрантов существуют в виде неформальных клубов и обществ, цели которых – не только оказывать своим членам поддержку и предоставлять возможность погружаться в привычную культурную среду, но и способствовать их деловому и социальному успеху в России. Эти объединения тоже состоят почти исключительно из «благополучных» мигрантов. Неформальные добровольные объединения основаны на межличностных связях между их членами, обеспечивающими групповую солидарность. Большую роль в самоорганизации (а также саморепрезентации) московских африканцев и их ассоциаций играет Интернет, прежде всего *Facebook*. Такие ассоциации играют положительную роль в процессе включения африканцев в российское общество [Гоогуева, 2007, с. 44–45, 48; Грибанова, Жерлицына, 2012, с. 73].

У «благополучных» московских африканцев в итоге формируется двойственная «диаспорная идентичность»: мигранты ассоциируют себя и со страной происхождения, и со страной проживания [Vertovec, 2000; Anderson, 2001; Naujoks, 2010]. «Выживающие» африканцы Москвы в целом остаются вне этого процесса: не будучи в достаточной мере интегрированными в российское общество, они в основном сохраняют «одностороннюю», принесенную с родины идентичность. У этих людей есть свои формы и способы объединения в московском мегаполисе. Социальная дистанция между двумя сегментами африканских мигрантов достаточно велика, а сферы их взаимодействия ограничены. Хорошо интегрированные «благополучные» африканцы подчас даже стремятся отделить себя от других мигрантов, чтобы не ассоциироваться с представителями более низких социальных слоев, в том числе с соотечественниками. Показательно, что в разговорах и друг с другом, и с нами такие респонденты часто называли «выживающих» в Москве африканцев «они», избегая объединяющего местоимения «мы». И это несмотря на то, что, по их же словам, многие из них оказывали помощь «выживающим» мигрантам, например помогая найти работу.

В Советском Союзе предполагалось, что иностранные студенты (в то время, напомним, составлявшие абсолютное большинство проживавших в стране африканцев) должны расселяться в городах компактно, проводя большую часть времени в общежитиях и лишь минимально контактируя с советскими гражданами вне вузовской среды. В наше время и государственная идеология, и социальный состав африканских мигрантов существенно иные, однако и в сегодняшней Москве (и в этом ее важное отличие от большинства мегаполисов «глобального Севера») невозможно обнаружить «этнические», в том числе «африканские», районы, т.е. части города с безусловным численным и культурным доминированием «некоренных» жителей. Африканцы разбросаны по всей Москве и ближнему Подмосквью, хотя, очевидно, начинает обнаруживаться тенденция к концентрации экономических мигрантов и беженцев на беднейших и социально низших юго-восточных и восточных окраинах и в близлежащих пригородах столицы. Проявляется и другая тенденция: многие «благополучные» африканцы предпочитают селиться на юго-западе Москвы, где расположен Российский университет дружбы народов, в прошлом носивший имя Патриса Лумумбы. *Alma mater* многих московских африканцев или их друзей-соотечественников, он остается для них центром притяжения.

Немало африканских мигрантов находят друг друга в расположенных в различных частях города церквях и мечетях, хотя, конечно, регулярно их посещают далеко не все африканцы Москвы. Особенно – из числа «благополучных», наименее нуждающихся в моральной и практической поддержке, которую могут оказывать религиозные институ-

ты. Африканцы-православные (практически исключительно эфиопы) и мусульмане-сунниты могут посещать те же церкви и мечети, что и исповедующие соответствующие религии коренные россияне. В то же время в Москве существуют несколько католических и протестантских (лютеранских, англиканских, баптистских и прочих) церквей, а также церкви так называемых новых (евангелистских) конгрегаций, в том числе «африканских», созданных и возглавляемых африканскими проповедниками. Социальный состав африканских прихожан католических и протестантских церквей Москвы смешанный и включает в себя многих из тех, кто не чувствует себя уверенно в российском обществе с точки зрения своего материального и социального положения в нем или же психологически. Роль, которую играют эти церкви в утверждении африканцев в Москве, двояка. С одной стороны, они помогают мигрантам из Африки, давая им утешение, возможность испытать чувства безопасности и стабильности, оказывая поддержку (иногда – и в связи с проявлениями в отношении них расизма [см.: <http://mpcrussia.org/task-force-against-racism/>; 26.08.2018]) и создавая атмосферу, в которой эти люди могут выражать и воспроизводить ценности своих родных культур, сохраняя тем самым свои культурные идентичности. Однако, с другой стороны, ассоциирование себя с этими церквями, не имеющими корней в русской истории и культуре, возводит дополнительный барьер на пути мигрантов к вхождению в социокультурную среду принимающих страны и города и способствует их замыканию в своей собственной узкой и маргинальной для Москвы среде. Не случайно такие церкви в России часто называют «иностранными»: они обычно представляются в СМИ и воспринимаются большинством населения страны как совершенно чуждые ее народу, его истории и культуре [Shakhbazyan, 2010].

Африканцы также собираются в определенных клубах, кафе и ресторанах. Типичные завсегдатаи многих из них – африканские студенты и мигранты со скромным, но стабильным и, по крайней мере, более или менее легальным доходом. Самое популярное среди африканцев кафе – «Авеню», расположенное на кампусе РУДН и принадлежащее его давнему выпускнику, уроженцу Эфиопии Т.И. Васие. В этом небольшом заведении царит демократическая атмосфера, а цены довольно низкие. Африканцы собираются здесь для общения в привычной культурной среде; «Авеню» дает им возможность ощутить принадлежность к сообществу московских африканцев. Другое африканское кафе в Москве, расположенное в центре города, – «Аддис-Абеба», также управляемое эфиопскими выпускниками советских вузов, братом и сестрой. Но хотя «Аддис-Абеба» считается кафе, как и «Авеню», в отличие от него это фактически достаточно дорогой и презентабельный ресторан, основные посетители которого – благополучные россияне и западные экспаты. Лишь немногие африканцы, из числа самых успешных, бывают здесь, тем более регулярно [Bondarenko et al., 2014].

Хотя, как правило, африканцы в Москве имеют знакомых среди выходцев из разных стран континента, основной уровень их консолидации – уровень страны происхождения, а не этнической, региональной (в пределах страны или континента) общности или чего-либо еще. В этом отношении характерен ответ мигранта из Эфиопии на вопрос: «Разделены ли живущие в Москве эфиопы по этническому признаку?» – «Здесь – нет. Не как в Эфиопии». Исключение составляют случаи, когда вынуждены сосуществовать представители этнических групп, между которыми на родине сложились по-настоящему напряженные отношения, как между оромо и тиграи. Тогда отдельные представители конфликтующих этносов прибегают к тактике более или менее строгого взаимного избегания, даже находясь в эмиграции, в Москве. Однако если проблемы в межличностных отношениях конкретных людей начинают угрожать единству и подрывать спокойствие всего сообщества выходцев из той или иной страны, его наиболее авторитетные члены предпринимают усилия, чтобы примирить ссорящихся. Они призывают их осознать, что если на родине может быть по-

зволительно делиться по этническим группам, то за рубежом необходимо поддерживать единство соотечественников. Об этом нам рассказывали активисты многих национальных землячеств – камерунского, нигерийского, эфиопского и др.

Что же касается panaфриканских настроений, то у московских африканцев они выражены довольно слабо и могут присутствовать главным образом в виде некой виртуальной основы для различения «нас» и «их» в «белой» культурной среде, для подавляющего большинства представителей которой они все «на одно лицо», в чьих глазах они образуют единое сообщество – просто «африканцы», а не бенинцы и эфиопы и уж тем более – не игбо и йоруба. Как правило, аморфные panaфриканские чувства не приводят к появлению стабильных неформальных или формальных групп, клубов и обществ, объединяющих выходцев из разных стран. В особенности это характерно для ситуаций, когда различаются европейские языки, на которых говорят в их родных странах. Показательно и то, что не существует общероссийской или московской panaфриканской ассоциации: постоянные мигранты из разных стран континента взаимодействуют или на межличностной основе, или в рамках более широких организаций мигрантов, таких как Федерация мигрантов России. В то же время практически все наши респонденты утверждали (и у нас нет никаких оснований им не верить), что они готовы помочь абсолютно любому африканцу.

Данные выводы о межэтнических отношениях и panaфриканских настроениях среди «российских африканцев» представляются одинаково верными для их обеих социальных групп. Сказанное выше относится и к африканским студентам – официальным временным мигрантам. В частности, существует немало организаций студентов из отдельных стран, например, Нигерии и Камеруна (Ассоциация нигерийских учащихся по программе федеральных стипендий в России, Ассоциация камерунских студентов в Москве и др.). Бывает, что и для некоторых членов таких объединений этническое происхождение имеет большое значение, но, по словам лидера одной из камерунских студенческих организаций, «мы стараемся немедленно остановить их. ... Мы говорим им: “Там, на родине, вы можете разделяться, но мы приехали сюда и здесь мы едины!”». Примечательно и то, что panaфриканская Ассоциация африканских студентов Российского университета дружбы народов представляет собой федерацию объединений студентов по странам. Следует отметить и то, что Ассоциация возникла относительно недавно – в 1995 г., тогда как первые национальные союзы африканских студентов образовались сразу после создания университета в 1960 г. По воспоминаниям инициаторов создания Ассоциации, только трудности 1990-х гг. в Африке и в России, резко осложнившие жизнь иностранных студентов, подтолкнули национальные студенческие организации обучавшихся в РУДН африканцев к объединению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ АФРИКАНЦЕВ МОСКВЫ

Итак, члены разных социальных групп московских африканцев, как правило, по-разному выстраивают свои жизненные стратегии в российском столичном мегаполисе, по-разному соотносят себя с его основной социокультурной средой. «Благополучные» и «выживающие» африканцы используют две принципиально разные стратегии включения в российское общество. Первые, – главным образом те, кто приехал в СССР или Россию как студенты, – стремятся к максимальному внедрению в широкую, доминирующую социокультурную среду и чаще всего успешно интегрируются в нее. Вторые – чаще всего приехавшие позже экономические мигранты, а также политические беженцы – испытывают гораздо более серьезные трудности при попытке утвердиться в мос-

ковском социуме. В результате они в основном кооперируются друг с другом, образуя собственные небольшие и достаточно закрытые социокультурные анклав.

Такой характер ситуации с африканцами в России, и в частности в Москве, напрямую связан с исторической подоплекой той роли, которую играет социальный фактор в замедлении процесса формирования африканских диаспор как единых сетевых сообществ даже на национальном уровне, т.е. на уровне выходцев из одной страны. Значение социального фактора обычно недооценивается, но оно не меньшее, чем факторов этничности или религиозной принадлежности. Социальный фактор проявляется в различиях между африканцами, в основном приехавшими много лет назад в качестве студентов, и большинством африканцев, прибывающих в наши дни, будучи экономическими мигрантами или политическими беженцами. Эти различия проводят жирную разделительную черту внутри каждого национального сообщества африканцев. Важным следствием этого является то, что тогда как мигранты, обозначенные нами как «благополучные», культивируют в себе диаспорную идентичность и добиваются успеха в своем стремлении интегрироваться в российское общество, экономические мигранты и беженцы чаще всего вынуждены оставаться вне его социокультурного мейнстрима, ограничиваясь элементарной (т.е. минимально необходимой) адаптацией к жизни в Москве. Это резкое деление африканских мигрантов на две группы есть прямое следствие политических, социальных, экономических и культурных различий между Советским Союзом и Российской Федерацией. В силу указанных выше причин большинство «благополучных» российских африканцев изначально были «советскими африканцами», приехавшими как студенты и встретившими доброжелательный прием, в то время как «выживающие» мигранты – исключительно «постсоветские африканцы», сумевшие приехать в Россию в первую очередь благодаря либерализации въездного режима и сделавшие это на свой страх и риск, обычно никем не поддерживаемые и мало кем приветствуемые. Экономические мигранты никогда не могли бы появиться в СССР, тогда как Российская Федерация принимает гораздо меньше потенциально «благополучных» мигрантов, чем это делал Советский Союз с начала 1960-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бондаренко Д.М., Гогуева Е.А., Серов С.Н., Шахбазян Е.В. Африканцы в Москве: особенности и проблемы адаптации. *Азия и Африка сегодня*. 2009, № 10. С. 43–47 [Bondarenko D.M., Gogueva E.A., Serov S.N., Shakhbazyan E.V. Adaptation of Africans in Moscow: Distinctive Features and Problems. *Aziia i Afrika segodnia*. 2009. Issue 1. Pp. 43–47 (in Russian)].

Голубев В.К., Горчаков Г.Е., Мышелов В.П., Хомяков А.М. Уроки прошлого в современном ракурсе. *Высшее образование в России*. 1994. № 4. С. 85–95 [Golubev V.K., Gorchakov G.E., Myshelov V.P., Khomyakov A.M. Lessons of the Past from Contemporary Perspective. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1994. Issue 4. Pp. 85–95 (in Russian)].

Гогуева Е.А. Африканцы в Москве: некоторые проблемы социокультурной адаптации. *Африка: история, экономика, политика, культура*. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2007. С. 42–48 [Gogueva E.A. Africans in Moscow: Some Problems of Sociocultural Adaptation. *Africa: History, Economics, Politics, Culture*. Yaroslavl: Yaroslavl State University Press, 2007. Pp. 42–48 (in Russian)].

Грибанова В.В., Жерлицына Н.А. Африканцы в вузах России: особенности социокультурного взаимодействия. *Россия и Африка. Проблемы национально-государственной идентичности*. М.: Институт Африки РАН, 2012. С. 63–79 [Gribanova V. V., Zherlitsyna N.A. Africans in Russian Universities: Specific Features of Socio-cultural Interaction. *Russia and Africa. Problems of National and State Identity*. Moscow: Institute for African Studies Press, 2012. Pp. 63–79 (in Russian)].

Жерлицына Н.А. Социально-культурная адаптация африканских студентов в системе высшего образования РФ (на основе опроса африканских студентов ряда российских вузов). *Африканцы в России: образование, брак, судьба*. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 75–85 [Zherlitsyna N.A. Socio-cultural Adaptation of the African Students in the System of Higher Education of the RF (Based on

a Survey of African Students from a Number of Russian Universities). *Africans in Russia: Education, Marriage, Fate*. Moscow: Institute for African Studies Press, 2009. Pp. 75–85 (in Russian)].

Катсакориос К. Африканские студенты в СССР. Учеба и политика во время деколонизации, 1960-е годы. *Социальная история. Ежегодник, 2008*. СПб.: Алетейя, 2009. С. 209–228 [Katsakioris, C. African Students in the USSR. Studies and Politics in the Time of Decolonization, the 1960s. *Social History. Yearbook, 2008*. Saint Petersburg: Aleteia, 2009. Pp. 209–228 (in Russian)].

Мазов С.В. «Воспитывать людей с прогрессивными взглядами, искренних друзей Советского Союза». Государственная политика в отношении обучавшихся в СССР африканцев, первая половина 1960-х годов. *Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя*. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009. С. 331–374 [Mazov S.V. “To Raise ‘People with Progressive Views, Sincere Friends of the Soviet Union.’ State Policy with Regard to Studying in the USSR Africans, First Half of the 1960s”. *Pax Africana: The Continent and Diaspora in Search for Themselves*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publishing House, 2009. Pp. 331–374 (in Russian)].

Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. *Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ)*. М.: Центр социального прогнозирования, 2002 [Sheregi F.E., Dmitriev N.M., Arefyev A.L. *Russian Universities Scientific and Pedagogical Potential and Export of Educational Services (A Sociological Analysis)*. Moscow: Center of Social Forecasting, 2002 (in Russian)].

Anderson A.B. The Complexity of Ethnic Identities: A Postmodern Reevaluation. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2001. Vol. 1. № 3. Pp. 209–223.

Boltovskaja S. *Bildungsmigranten aus dem subsaharischen Afrika in Moskau und St. Petersburg: Selbst- und Fremdbilder*. Herbolzheim: Centaurus Verlag & Media UG, 2014.

Bondarenko D.M., Demintseva E.B., Usacheva V.V., Zelenova D.A. African Entrepreneurs in Moscow: How They Did It Their Way. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. 2014. Vol. 43. № 1–3. Pp. 205–254.

Gdaniec C. “Ordinary Young Hooligans” or Moscow Geographies of Fear: Spatial Practices in and around the Peoples’ Friendship University of Russia. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Cultural Dimensions*. Moscow: KRASAND, 2009. Pp. 3–15.

<http://african-house.com/ru/ob-organizatsii> (accessed: 21.08.2018).

<http://mpcrussia.org/task-force-against-racism/> (accessed: 26.08. 2018).

Kret A.J. “We Unite with Knowledge”: The Peoples’ Friendship University and Soviet Education for the Third World. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2013. Vol. 33. № 2. Pp. 239–256.

Naujoks D. Diasporic Identities: Reflections on Transnational Belonging. *Diasporic Studies*. 2010. Vol. 3. № 1. Pp. 1–21.

Shakhbazyan E.V. Africans in Moscow: “Foreign Churches” as a Factor of Socio-cultural Adaptation or Non-Adaptation. *Mobility, Transnationalism and Contemporary African Societies*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. Pp. 44–56.

UNESCO Statistical Yearbook. P.: UNESCO, 1990.

Vertovec S. *The Hindu Diaspora: Comparative Patterns*. L.: Routledge, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук, директор Международного центра антропологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.	Dmitri M. BONDARENKO – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Hab. in History Professor in Ethnology; Vice-Director for Research, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Director, International Center of Anthropology, National Research University Higher School of Economics; Professor, Center of Social Anthropology and Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
---	--